

А.А.Ревякина

**“СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ”:
К ИСТОРИИ ТЕРМИНА И ПОНЯТИЯ**

Ревякина Алина Александровна –
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Впервые словосочетание “социалистический реализм” появилось в передовой статье “Литературной газеты” от 23 мая 1932 г. (автор – И.М.Гронский). Сталин подтвердил его на встрече с писателями у М.Горького 26 октября того же года, и с этого момента термин, получив широкое распространение, бытовал на протяжении почти 60 лет.

На современном этапе сложилось представление о социалистическом реализме как интернациональном художественном направлении и нормативном творческом методе литературы и искусства XX в., познавательная сфера которого регламентировалась задачей отражать революционные процессы переустройства мира в свете социалистического идеала. Как основной метод советской литературы он был призван официально (на государственном и партийном уровне) отражать этапы строительства социалистического общества в его движении к коммунизму. Социалистический реализм стремился занять ведущее положение в художественной жизни эпохи, противопоставляя свои, якобы единственно верные, эстетические принципы (партийность, народность, исторический оптимизм, социалистический гуманизм, интернационализм) всем иным идейно-художественным принципам.

Мировая практика литературы социалистической ориентации насчитывает десятки имен; среди зарубежных писателей – Ж.С.Алексис, Ж.Амаду, М.Андерсен-Нёксе, Л.Арагон, А.Барбюс, И.Бехер, В.Бредель, В.Броневский, Б.Брехт, Г.Верерт, Ф.Вольф, Я.Гашек, Н.Гильен, Д.Димов, А.Зегерс, Я.Ивашкевич, А.Йожеф, Г.Караславов, Ш.О’Кейси, Х.Лакснесс, У.Моррис, В.Незвал, С.Нейман, П.Неруда, Дж.Олдридж, Э.Потье, М.Пуйманова, Х.Смирненский, А.Стиль, Ю.Фучик, Н.Хикмет, П.Элюар и др. В ряду теоретиков – Г.Бакалов, И.Бехер, Д.Благоев, Б.Брехт, Б.Вацлавек, Л.Иллеш, Дж.Йованович, К.Колдуэлл, К.Конрад, Д.Лукач, П.Неруда, Т.Павлов, А.Упит, Э.Уркс, И.Фик, А.Флакер, Р.Фокс, Я.Фусадзи, С.Шабоук, И.Шётер, С.Шматлак и др. Однако это всего лишь малая толика по сравнению с

несметным числом советских писателей, критиков и теоретиков социалистического реализма в СССР.

Отечественная теория социалистического реализма старше появления самого термина; она берет начало, по-видимому, с "Основ позитивной эстетики" А.В.Луначарского (брошюра вышла в 1903 г. и без изменений была переиздана в 1923 г.). Здесь прозвучал призыв "рисовать сияющие счастьем и совершенством картины будущего" (14, с. 130), а вместе с тем и предостережение (сегодня оно воспринимается как угроза): "Люди, не умеющие жить в будущем, в творчестве, в стремлении, будут уходить с той площадки, где медленно воздвигают величественный храм жизни... но где пока видна лишь груда камней" (там же, с. 54). Иными словами, здесь искусство ориентируется на должное, а не на сущее, и само творчество растворяется в идеологии (см.: Гангнус А. На руинах позитивной эстетики: Из истории одного термина // Новый мир. – М., 1988. – № 9. – С.147–163).

В 1909 г. Луначарский одним из первых назвал "Мать" и "Враги" М.Горького "серьезными работами социального типа", "знаменательными произведениями, значение которых в развитии пролетарского искусства когда-нибудь учтется" (Литературный распад. – СПб., 1909. – Кн.2. – С.88). Критик первым привлек внимание к ленинскому "принципу партийности" как определяющему в строительстве социалистической культуры (статья "Ленин" в "Литературной энциклопедии". – М., 1932. – Т.6.). В феврале 1933 г. в докладе о задачах советской драматургии Луначарский подчеркивал, что социалистический реализм *"насквозь отдается борьбе, он весь насквозь – строитель, он уверен в коммунистическом будущем человечества, верит в силы пролетариата, его партии и вождей"* (Луначарский А.В. Статьи о советской литературе. – М., 1958. – С. 239; курсив. – А.Р.). Знаменательно, что и предыстория, и последующая история соцреализма неизменно подтверждали бойцовские качества этого "строителя", который *"насквозь отдается борьбе"* (и побежденные, и строители порой оказывались в ГУЛАГе).

В 1934 г. на Первом всесоюзном съезде советских писателей о своеобразии социалистического реализма говорили М.Горький и А.Фадеев, Н.И.Бухарин и А.А.Жданов. В докладе "Советская литература" Горький подчеркнул идейно-тематическую ее направленность: "Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда" (16, с. 13). А.Фадеев поддержал высказанную ранее Горьким мысль о том, что в отличие от "старого реализма – критического... наш, социалистический, реализм – утверждающий" (там же, с. 233). Политическую составляющую советской литературы акцентировал в своем докладе Н.И.Бухарин: "Социалистический реализм "отличается от просто реализма тем, что в центре внимания неизбежно ставит изображение строительства социализма, борьбы пролетариата, нового человека и всех многочисленных "связей и опосредований" великого исторического процесса современности..."; *"стилевые особенности, отличающие социалистический реализм от буржуазного... ближайшим образом*

связаны с содержанием материала и целеустремлением волевого порядка, диктуемого классовой позицией пролетариата...” (там же, с. 501).

Основополагающей стала речь секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Жданова; его формулировки: “изображать действительность в ее революционном развитии”; “при этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания трудящихся людей в духе социализма” (там же, с. 4) – легли в основу определения социалистического реализма, данного в Уставе Союза советских писателей. Программным явилось утверждение, что “революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть” (там же, с. 4). Характерно, что художественные средства А.Жданов определил как “роды оружия”: “Советская литература имеет все возможности применить эти роды оружия (жанры, стили, формы и приемы литературного творчества) в их разнообразии и полноте...” (там же, с. 5). Этот момент вошел в Устав Союза советских писателей в следующей формулировке: “Социалистический реализм обеспечивает художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы: выбора разнообразных форм, стилей и жанров” (там же, с. 716).

Однако явные ограничения в “выборе” форм советские критики обозначили тогда же, в 1934 г., после Первого съезда писателей: “У наших читателей вполне определенные вкусы – они хотят реализма в искусстве, реализма социалистического... без натуралистического копания... и без зауми, без формалистских фокусов” (цит. по: Ленобль Г. Советский читатель и художественная литература // Новый мир. – М., 1950. – № 6. – С. 209, 218 и др.). Критики писали также о том, что “отзывы и мнения рабочего читателя являются лучшим подтверждением указаний партии и ее вождя т. Сталина о путях развития советской литературы, о борьбе за творческий метод социалистического реализма” (Залп. – Л., 1934. – № 11. – С. 34; курсив. – А.Р.).

Иными словами, поддержка народа стала одним из основных стимулов развития соцреализма, и “встреча” народности с партийностью составила “главное эстетическое событие социалистического реализма”, – обобщает Е.Добренко в книге “Формовка советского читателя” (СПб., 1997. – С. 126; см. его же: «Формовка советского писателя». – СПб., 1999). Было бы ошибочно считать соцреализм только порождением произвола власти, тоталитаризма (как об этом стали много писать в конце 80-х годов); для своего времени он являлся, считает Ю.Гусев, исторически оправданной “эстетизацией общественной потребности” (правда, доведенной до абсурда): возникла необходимость в “абсолютизации социальной, воспитательной функции искусства – в тот момент, когда массовый читатель к такому воспитанию был и субъективно готов. Партийным теоретикам оставалось лишь возвести эти особенности в ранг самого передового, универсального, единственно приемлемого художественного метода” (24, с. 47).

И вместе с тем история его становления и утверждения проходила в боях. Напряженные дискуссии о художественном методе пролетарской литературы шли в 20-х годах между теоретиками, входившими в объединения Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ; пафосом борьбы были "насквозь" пронизаны выдвигавшиеся теории "живого человека", "производственного" искусства и такие стратегии, как "учеба у классиков", "социальный заказ" и т.п. Под названием "Борьба за метод" в 1931 г. вышел рапповский "сборник дискуссионных статей"; его предисловие начиналось с пророческих слов: "В области вопросов метода пролетарской литературы нам еще предстоит много споров, много неизбежных ошибок, много путаницы" (4, с. 3). В преддверии съезда писателей Институт литературы и искусства Ленинградского отделения коммунистической академии провел сессию, посвященную вопросам социалистического реализма; ее результатом явилась книга "В спорах о методе" (Л., 1934). В ней рапповскому "диалектико-материалистическому творческому методу" противопоставлялся "выдвинутый тов. Сталиным лозунг социалистического реализма" – "сокрушительный удар по этой горе-идеологии" (5, с. 6). Острые споры продолжались в 30-х годах (о языке, о формализме), в 50-х (главным образом в связи с "теорией" бесконфликтности, проблемой типического, "положительного героя"); не раз возобновлялся спор о народности. Характерно, что дискуссии по вопросам "художественной платформы" неизменно граничили с эстетизацией идеологии, касались политики.

Стоит особо выделить длившийся десятилетия спор о том, как соотносятся романтизм и реализм в социалистическом искусстве. В самом общем плане, с одной стороны, речь шла о романтике как "научно обоснованной мечте о будущем" (в этом качестве на определенном этапе романтику стало подменять понятие "исторический оптимизм"); с другой стороны, предпринимались попытки (в 60-х годах) выделить особый метод или стилевое течение "*социалистического романтизма*" со своими познавательными возможностями. Эта тенденция (обозначенная еще М.Горьким, Фадеевым и Луначарским) вела к преодолению догматических постулатов социалистического реализма и потому ортодоксальной критикой воспринималась как "подрывающая основы метода".

Постоянная необходимость борьбы за "чистоту метода", по сути, как бы предполагала существование неких провокационных, ревизионистских тенденций. И главным виновником была сама литература, которая в своем самодвижении демонстрировала широту возможностей реалистического изображения действительности, его несовместимость с диктатом предписанных принципов.

Опираясь на реальные тенденции развития отечественной литературы, современные критики считают вполне правомерным говорить о социалистическом реализме как о конкретно-историческом направлении в искусстве и литературе 20–50-х годов (см.: 6; 9; 24). В 30-е годы статус "живой классики" приобрели произведения В.Маяковского, М.Горького, Л.Леонова, А.Фадеева, М.Шолохова,

Ф.Гладкова, В.Катаева, М.Шагинян, Н.Островского, А.Макаренко, В.Вишневского, Н.Погодина и др. Но в советской литературе было немало и таких художественных явлений, для которых догматы социалистического реализма становились “прокрустовым ложем” – они не умещались в границах “правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии” (как предписывал Устав Союза советских писателей); это были произведения Е.Замятина, М.Зощенко, Б.Пастернака, Б.Пильняка, А.Платонова, М.Цветаевой и др.

Новая ситуация возникла в литературе второй половины 50-х годов: XX съезд партии заметно расшатал основы тоталитаризма и авторитарности. После смерти Сталина процесс “ревизий” ускорился. Из соцреалистических канонов “выламывалась” прежде всего русская “деревенская проза”, изображавшая крестьянскую жизнь не в “революционном развитии”, а, напротив, в условиях социального насилия и деформации. Литература рассказывала страшную правду и о войне, разрушая официозные мифы о героике и оптимизме; по-иному предстали в произведениях советских писателей и гражданская война, и многие другие эпизоды отечественной истории. Дольше всех цеплялась за догматы соцреализма “производственная” проза, оставаясь “колесиком и винтиком” социалистического социума. Появившийся в 1956 г. правдивый роман В.Дудинцева “Не хлебом единым” был дискредитирован как “искажение действительности”, а написанный в начале 60-х годов роман А.Бека “Новое назначение”, обнаживший симптомы развала административно-командной системы управления, сталинских методов руководства, был опубликован только в 1987 г. (см.: 17).

Итак, с конца 50-х годов советская литература уже весьма отдалилась от соцреалистических канонов. Появившиеся в статьях 60-х годов определения “концепция человека”, “проблемность художественного образа” означали, полагает Г.А.Белая, “новый виток” в развитии литературы и критики: от представления о “положительном герое” как единственном полномочном выразителе своего времени критика обратилась к “концепции личности”, ориентировавшей на многостороннее рассмотрение нравственного мира героя (2, с. 150). Это подтверждалось и результатами дискуссий о принципах периодизации советской литературы, состоявшейся в начале 80-х годов (см. работы Л.Ф.Ершова, В.Е.Ковского, Ю.Б.Кузьменко, А.В.Огнева, Ю.И.Суровцева, А.П.Эльяшевича). Настойчиво высказывалось требование выделять в литературном процессе крупные стадийные изменения. Знаменательно, что, размышляя об истоках принципиально новых явлений в советской литературе, критики так или иначе выходили к рубежу 50-60-х годов.

* * *

Что же происходило в теории социалистического реализма, начиная с этого рубежа?

Тенденция к *расширению* понятия, очевидная в творческом процессе и в критике, неким образом обозначилась и в литературоведении – под воздействием отечественной литературы и в результате аналогичных веяний в зарубежной культуре. Так, на Всесоюзном совещании по вопросам социалистического реализма “Творческая практика и теоретическая мысль” И.И.Анисимов подчеркнул свойственную эстетической концепции метода “большую гибкость” и “широту”, что диктовалось назревшей потребностью преодолеть догматические постулаты (см.: Вопр. лит. – М., 1959. – № 6. – С. 90). О том же говорила Т.Л.Мотылева, опираясь преимущественно на опыт зарубежных литератур (там же, с. 75).

Этапной явилась проходившая в 1966 г. в ИМЛИ конференция “Актуальные проблемы социалистического реализма” (3). В дискуссии приняли участие ведущие теоретики: Ю.Борев, И.Брагинский, А.Иезуитов, Г.Ломидзе, Д.Марков, А.Мясников, Л.Новиченко, А.Овчаренко, М.Пархоменко, Г.Поспелов, Е.Тагер, У.Фохт, М.Храпченко, В.Щербина, Я.Эльсборг, Л.Якименко и др. Идеиный настрой конференции был заявлен в соответствии с установившейся традицией: “... сейчас идет битва за социалистический реализм. Вот, собственно, тема конференции, – обобщал Б.Бурсов. – Мы должны здесь выработать действенное оружие, которое окажется способным защитить искусство социалистического реализма” (Вопр. лит. – М., 1967. – № 5. – С. 93). Вместе с тем отмечаемое практически всеми участниками “богатство стилевых исканий”, “многообразие красок, голосов, ритмов” в советской литературе и “обогащение форм, направлений” в литературе стран социализма побуждало к разговору о пересмотре прежних теоретических установок. Всерьез обсуждалась возможность *романтизма* и *критического реализма* в советской литературе, а также “интеллектуализма” в качестве особых течений (и даже методов).

Существование “романтизма как самостоятельного художественного метода в широких рамках социалистического искусства как эстетической системы социалистического общества” отстаивал А.И.Овчаренко (3, с. 330). Эта позиция вызвала острую дискуссию – ведь, по сути, ставился вопрос о возможности в социалистической литературе не только реалистических принципов отражения жизни.

В поддержку такой постановки вопроса выступил Г.Н.Поспелов, и его логика сегодня кажется особенно убедительной. Ученый предложил различать *социалистическую литературу* (во всем ее своеобразии и многообразии) и *социалистический реализм* (господствующий в этой литературе принцип отражения), а также различать *социалистическую литературу* и литературу *советскую* (ибо отнюдь не вся она “социалистический реализм” – С.Есенин, И.Бабель, М.Пришвин, Е.Шварц скорее могут быть причислены к “реалистам критическим”) (3, с. 431–432). Пафосом выступления Г.Н.Поспелова было стремление преодолеть “догматическую схему”, согласно которой социалистическая или даже вся советская литература – это социалистический реализм. По убеждению ученого, “социалис-

тическая литература – это только одно, основное и ведущее течение в советской литературе” (там же, с. 431).

Практическая полезность предложенного терминологического разграничения (социалистический реализм – социалистическая литература – советская литература) особенно ясно осознается в настоящее время; однако на том этапе возобладала *новая* “догматическая схема”, о которой предупреждал Г.Н.Поспелов: стремление раздвинуть рамки социалистического реализма, дабы все значительные явления советской литературы могли рассматриваться в его пределах.

“Творческий метод нашего искусства есть категория открытая...” – утверждал Б.Л.Сучков (Контекст, 1974: Лит.-теоретич. исслед. – М., 1975. – С. 42). Концепцию “открытости” подхватил Д.Ф.Марков в статье “Исторически открытая система правдивого изображения жизни: О новых аспектах обсуждения проблем социалистического реализма в последние годы” (Вопр. лит. – М., 1977. – № 1). В итоге споров вопрос о возможности вхождения элементов поэтики иных систем в систему социалистического реализма приобретал все большее число сторонников. И хотя Д.Марков и некоторые его единомышленники (Л.Г.Якименко, Л.И.Тимофеев, М.Н.Пархоменко, М.Б.Храпченко и др.) говорили о том, что “открытость” нельзя понимать как “размывание границ системы социалистического реализма”, однако на деле “размывание” уже произошло – особенно это касалось зарубежной литературы, где уже существовали многие примеры слияния модернистских и соцреалистических художественных элементов (в зарубежной критике и концепция “открытости”, “синтетичности” соцреализма появилась значительно раньше).

Но одновременно действовала и *старая*, предельно идеологизированная схема – обсуждение соцреализма официальным литературоведением и критикой продолжалось в традиционном аспекте; бдительной заботой о “чистоте” его партийной ориентации отличались многие публикации: “Метод живой, развивающийся” (С пленума Совета по критике и литературоведению при правлении СП СССР) (Вопр. лит. – М., 1983. – № 10); “Ленинский принцип партийности и современная идеологическая борьба” (М., 1984); “Социалистический реализм за рубежом: Разработка проблем теории и практики” (М., 1985) и т.п. Вместе с тем романы Ч.Айтматова, Ю.Бондарева, Д.Гранина, О.Гончара, В.Распутина, В.Белова и других заставляли говорить о новом качестве литературы – ее «суровом реализме», отличающемся «масштабностью взгляда» (см. статьи А.И.Овчаренко и М.Н.Пархоменко в журнале «Новый мир», 1981, № 6). Этот весомый пласт литературы использовал и условно-метафорические, и фантастические принципы и приемы изображения. Ортодоксальная критика усматривала в этом определенную угрозу – лазейку для проникновения в социалистический реализм модернистских художественных средств. В тот период схватка между реализмом и модернизмом на арене мировой культуры находилась в своем апогее.

Сложившуюся ситуацию уместно, быть может, проиллюстрировать, обратившись к творчеству Ч.Айтматова. Он не только широко использовал в своем творчестве метафорические формы, но и считал их своим особым "методом мышления", "способом познания и интерпретации действительности". Речь идет, в частности, о его романе *"И дольше века длится день"* (1980). В нем самим названием (строчка из стихотворения Б.Пастернака) были заявлены художественные приоритеты писателя. Однако, отдавая дань времени (ведь официальная наука еще не отказалась от соцреализма) и полагая необходимым защитить свое произведение от возможных нападков, Айтматов сделал некоторые пояснения.

В предисловии "От автора" он подчеркнул: "Образ Буранного Едигея – это мое отношение к коренному принципу социалистического реализма, главным объектом которого был и остается человек труда" (Новый мир. – М., 1980. – № 11. – С.3). Но то, что писатель пояснял далее, вовсе не имело никакого отношения к соцреализму. Для Айтматова Буранный Едигей привлекателен прежде всего как *"человек трудолюбивой души"*. Писатель разъяснял: "Однако я далек от абсолютизации самого понятия "труженик"... В жизни человек-труженик интересен и важен настолько, насколько он личность, насколько велика его духовная нагрузка, насколько сконцентрировано в нем его время..." (там же). И чтобы раскрыть духовный потенциал своего героя, писатель избирал, как он пишет, особый *метод*, в котором сочетаются опора "на легенды и мифы, на предания как на опыт, предназначенный нам в наследство предыдущими поколениями", и "фантастический сюжет". "Фантастическое, – настаивал Айтматов, – это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век... раздираемый противоречиями – экономическими, политическими, идеологическими, расовыми" (Новый мир. – М., 1980. – № 11. – С. 3, 4).

Однако тогда же, в 1981 г., Г.М.Марков (Первый секретарь правления Союза писателей) на VII съезде писателей СССР оценил роман именно в духе социалистического реализма: он назвал "образ рабочего представителя Едигея Буранного" удачей принципиального значения в освоении темы "созидательного труда рабочего класса в нашем обществе" – наряду с произведениями А.Проханова, К.Лагутина, З.Тоболкина, А.Плетнева и др. (Лит. газ. – М., 1981. – 1 июля).

Своеобразное взаимодействие *старой* и *новой* "догматических схем" провоцировало нескончаемую (и по сути схоластическую) дискуссию об "открытости". На страницах журнала "Вопросы литературы" Д.Ф.Марков начал новый ее виток статьей "Системное единство социалистического реализма: Проблемы поэтики". В структуре литературного процесса он выделил взаимодействие "предметно-аналитического" ("в формах самой жизни"), "условно-фантастического" и "романтического" типов изображения (Вопр. лит. – М., 1983. – № 1). В этот период при заметном различии "типологических гипотез" критиков объединяло представление об усложняющейся "полифонии" стилей в советской литературе. Реальный

рост ее многообразия давал основания для все более дробной стилевой дифференциации литературного процесса (см., например: Бочаров А.Г. Бесконечность поиска: Художественные поиски современной советской прозы. – М., 1982; в этой книге термин “социалистический реализм” не упоминается ни разу). Возобновленный Д.Марковым разговор продолжили в том же году Н.А.Анастасьев (№ 3), И.З.Баскевич (№ 4), Ю.А.Андреев (№ 9), в 1984 г. – Ю.В.Богданов (№ 1) и Л.В.Полякова (№ 4), в 1985 г. – С.А.Шерлаимова (№ 4), А.П.Николаев и К.А.Степанян (№ 9). Речь шла, в частности, о “переакцентировке” проблем, о рассмотрении соцреализма в мировом контексте (естественно, что ему приписывалась предельная “широта”).

Однако и общая идеологическая атмосфера, и публикуемые произведения отечественной литературы все настойчивее требовали пересмотра проекта “революционного развития действительности”. И здесь важная стимулирующая роль принадлежала не только процессам перестройки в обществе, но и так называемой “задержанной”, или “реабилитированной”, литературе: появились в печати написанные двадцать и более лет назад произведения А.Ахматовой, В.Белова, М.Булгакова, В.Гроссмана, Ю.Домбровского, Б.Можаева, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Приставкина, А.Рыбакова, А.Солженицына, А.Твардовского, В.Тендрякова, Ю.Трифонов, В.Шаламова, М.Шатрова и др. Благодаря этим писателям становилось все более ясно, что суть исторической деформации заключалась не только в ошибках отдельного лица (Сталина и др.), но именно в самой “социалистической” действительности возобладали процессы инволюции, движения вспять, а не “революционного развития”. Раскрепощению сознания много способствовали историки и публицисты (см.: 11; 21; 22).

На этой волне возникла итоговая дискуссия о социалистическом реализме на страницах “Литературной газеты” (М., 1988. – 13 апреля, 25 мая, 20 июня, 1 сентября). К тому времени был окончательно утрачен авторитет уставного определения (оно ассоциировалось с догматизмом, некомпетентным руководством в сфере искусства, диктатом сталинщины и ждановщины в литературе – “казарменного”, государственного, “казарменного” реализма), и не осталось критиков, которые бы пользовались понятием “социалистический реализм” в осмыслении текущего литературного процесса. Однако теоретическая мысль (в “лучших”, можно сказать, традициях) билась в поисках такой “широкой формулировки творческого метода”, которая могла бы охватить все многообразие “прогрессивной” мировой культуры XX в. “*Емкое определение нашего художественного метода должно вместить в себя достижения художников и социалистического реализма, и доселе остававшихся вне рамок метода* (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, А.Грин)”, – настаивал Ю.Б.Борев (Лит. газ. – М., 1988. – 25 мая). В процессе дискуссии стержневым становился вопрос: “Отказаться ли нам от социалистического реализма?” (см. там же).

Вопрос этот был риторическим, ибо, во-первых, серьезная литература отошла от принципов соцреализма по сути еще в 60-х годах, а во-вторых, "емкое", всеохватывающее определение, вмещающее в себя все, что "доселе оставалось вне рамок нашего метода", если бы его удалось изобрести, означало бы полное размывание границ понятия. Но именно этого так боялись те теоретики, которые продолжали сражаться за "незыблемость границ системы социалистического реализма".

Положительному ответу на вопрос: "Не отказаться ли нам?.." – много способствовала и вызревавшая в "андеграунде" своеобразная моральная ревизия соцреализма как основы тоталитарной культуры. По общему признанию, начало было положено статьей А.Синявского (псевд.: Абрам Терц) "Что такое социалистический реализм" (написана в 50-х годах и тогда же печаталась за рубежом; в России впервые опубликована в 1989 г. – "Театр", № 5, "Лит. обозрение", № 8). Критик утверждал, что соцреализм – это "псевдоискусство" ("плохое", "нехудожественное", "дурное"), или "полуклассическое полуискусство не слишком социалистического совсем не реализма" (10, с. 79). Эта "тенденция" в 50–60-х годах по-своему разрабатывалась русской неоавангардистской литературой: группа Л.Черткова; "лианозовская школа"; СМОГ (Смелость – Мысль – Образ – Глубина, или Самое Молодое Общество Гениев), а затем литературой соц-арта (художественная игра *знаковыми* явлениями социализма) и постмодернизма. По убеждению современных последователей А.Синявского, "соцреализм умер, и соц-арт – его единственный законный наследник, доживающий, очевидно, свои последние годы: вряд ли ему суждено переступить за черту 20-го столетия" (Эпштейн М. Постмодернизм в России: Литература и Теория. – М., 2000. – С. 84).

Деконструкция соцреализма стала ведущей темой многих писателей-постмодернистов. Так, в поэзии Д.А.Пригова пародируется образ писателя-теоретика, выразителя нормативных представлений о жизни и литературе, целеустремленного "воспитателя масс", плодovитого эпигона-графомана. Образы советских вождей деканонизирует Т.Кибиров (в поэмах "Когда был Ленин маленьким", "Жизнь К.У.Черненко"); он высмеивает, цитатно пародируя, и догматы соцреализма ("Общие места", "Лесная школа" и др.). В поэме "Сквозь прощальные слезы" (1987) Т.Кибиров показал последствия реализации революционно-коммунистических идей: хаос вместо гармонии, тоталитарный режим, подмена реальности мнимостями, моральный упадок, убогость существования. Заключительный вывод таков: все жертвы были напрасны – задачи, во имя которых совершалась революция, никогда не осуществляются. Летевший в коммунопаровоз оказался в тупике и только имитирует движение вперед – значит путь был избран в никуда.

К полному пересмотру русской литературы советской эпохи призывает в статье "Поминки по советской литературе" (1990) Вик.Ерофеев (по принципу – "ради красного словца не пожалею и отца"). В его художественных произведениях "Кру-

шение гуманизма № 2”, “Девушка и смерть” пародируются горьковская героико-романтическая концепция, а также нормативный “положительный герой” и т.п.

Имитируя язык литературы социалистического реализма, В.Сорокин в романе “Норма” (1994) вскрывает бесчеловечность тоталитарного искусства, таких его идеологических постулатов, как “руководящая роль партии в советском обществе”, “единство партии и народа”, “утверждение социалистического гуманизма” и др.

Итак, на рубеже 80–90-х годов постмодернизм довершил развенчание советской мифологии. Благодаря активной деструктивной работе с языком литературы соцреализма “постмодернизм показал, насколько не соответствует правдивому изображению современного состояния общества и мира в целом основной метод официальной советской культуры, и, таким образом, содействовал его эстетической дискредитации, что, в свою очередь, способствовало угасанию социалистического реализма” (Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. – М., 1999. – С. 345).

В работах последнего времени все настойчивее и по-новому ставится вопрос о месте и, следовательно, границах социалистического реализма в литературном процессе XX в. Например, В.И.Тюпа стремится доказать, что, хотя “соцреализм” вместе с “авангардизмом” суть две *тупииковые* ветви художественной эволюции XX в., однако осмыслить перспективу будущего “неотрадиционалистского” искусства можно лишь в контексте его противостояния этим двум названным ветвям постсимволистской литературы (Тюпа В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. – Самара, 1998. – С. 146).

С определением места соцреализма в литературном процессе связаны вопросы периодизации. Знаменательно, что прежние дробные периодизации (по десятилетиям, по этапам социальной истории или по масштабности эпических образов и т.п.) заменяются все более укрупненными. М.Эпштейн, например, ставит соцреализм в контекст мирового культурного развития XX в., в котором выделяет три основных периода:

1. Серьезный пуризм: авангард, или ранний модернизм – первая треть 20-го века.
2. Серьезный эклектизм: социалистический реализм в СССР, высокий модернизм на Западе – вторая треть века.
3. Игровой эклектизм: постмодернизм – последняя треть 20-го века” (Эпштейн М. Постмодернизм в России... С.81).

Поиски принципов типологии и периодизации продолжают...

Стоит отметить возросший интерес к социалистическому реализму за рубежом. Об этом свидетельствует, например, подборка материалов в парижском журнале “Ревю дез этюд слав” (1998. – № 4), где, в частности, отмечается: “Если социалистический реализм исчез как официальная доктрина с крушением государства, частью идеологической системы которого он являлся, то в настоящее время он оказывается в центре исследований, вызывающих самый большой интерес – как

составной элемент советской цивилизации" (30, с. 909). Для французской критики характерны попытки связать истоки социалистического реализма с авангардом (популярный на Западе итог суждений), а также стремление обосновать существование двух тенденций в советской литературе: "тоталитарной" и "ревизионистской". Этот последний подход представляется наиболее плодотворным.

К новым размышлениям побуждает вышедший под редакцией Х.Гюнтера и Е.Добренко коллективный труд ученых России, Германии, Франции, Швейцарии, Англии, США, "Соцреалистический канон" (Спб., 2000), где рассматриваются и предыстория явления, его историко-культурный контекст, и "арсенал" метода, его

Литература

1. *Акимов В.М.* В спорах о художественном методе: (Из истории борьбы за социалистический реализм). – М., 1979. – 375 с.
2. Актуальные проблемы методологии литературной критики: Принципы и критерии. – М., 1980. – 339 с.
3. Актуальные проблемы социалистического реализма. – М., 1969. – 552 с.
4. Борьба за метод. – М.; Л., 1931. – 340 с.
5. В спорах о методе: Сб. ст. о социалистическом реализме. – Л., 1934. – 220 с.
6. *Голубков М.М.* Русская литература XX в.: После раскола. – М., 2001. – 267 с.
7. *Гройс Б.* Полуторный стиль: Социалистический реализм между модернизмом и постмодернизмом // Новое лит. обозрение. – М., 1995. – № 15. – С. 44–53.
8. *Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. – Мюнхен, 1993. – 408 с.
9. Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. – М., 1995. – 287 с.
10. Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. – М., 1990. – 414 с.
11. Историки и писатели о литературе и истории: (С конференции историков и писателей) // Вопр. лит. – М., 1988. – № 7. – С. 3–28.
12. *Курицын В.* Отечественный постмодернизм – наследие соцреализма и русского авангарда // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. – Helsinki, 1996. – С. 49–58.
13. Литература социалистического реализма: Актуальные проблемы теории и художественной практики: Сб. обзоров и реф. – М., 1983. – 188 с.
14. *Луначарский А.В.* Основы позитивной эстетики. – М.; Пг., 1923. – 133 с.
15. *Овчаренко А.И.* От Горького до Шукшина. – М., 1982. – 494 с.
16. Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стеногр. отчет. – М., 1934. – 718 с. – Фототипич. переизд. – М., 1990. – 718 с.
17. *Ревакина А.А.* Взгляд из сегодня: Проблемы "производственной" прозы // Обществ. науки в СССР. Сер.7. Литературоведение: РЖ/АН СССР. ИНИОН. – М., 1989. – № 4. – С. 13–30.

18. *Ревякина А.А.* К истории споров о месте романтизма в советской литературе // Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина. – М., 1969. – № 315: Вопросы русской литературы. – С. 265–284.

19. *Ревякина А.А.* К теоретической дискуссии 50–60-х годов о месте романтизма в литературе социалистического реализма // Там же. – № 328: Русская литература XX в. Советская литература. – С. 302–324.

20. *Ревякина А.А.* Кризис догматической эстетики: Спорные вопросы литературоведения // Великая французская революция и проблемы мировой литературы: Сб. обзоров. – М., 1991. – С.151–174.

21. *Ревякина А.А.* Формирование нового мышления: Совет. литература и критика в контексте современной общественной ситуации // Новые тенденции в развитии советской литературы и литературной критики: Сб. обзоров. – М., 1989. – С. 5–35.

22. Социализм и литература: Международный “круглый стол” // Вопр. лит. – М., 1989. – № 4. – С. 3–79.

23. Социалистический реализм в зарубежном литературоведении: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН – М., 1979. – 116 с.

24. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. Человек реальный и идеальный // Славяноведение. – М., 1997. – № 6. – С. 29–57.

25. *Спиридонова Л.А.* М.Горький в контексте эпохи // Горьковские чтения 1995 г. – Н.Новгород, 1996. – С. 5–10.

26. *Страда В.* Советская литература и русский литературный процесс XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. – № 3. – С. 90–101.

27. Тоталитаризм и культура // Вопр. лит. – М., 1992. – Вып.1. – С. 4–225.

28. *Aucouturier M.* Le réalisme socialiste. – P., 1998. – 128 p.

29. *Lahusen T.* How life writes the book: real socialism a. socialist realism in Stalin's Russia. – Ithaca; N.Y.; L., 1977. – 247 p.

30. *Niqueux M., Karmouh C., Heller L.* Le réalisme socialiste // Revue des études slaves. – P., 1998. – Fasc.4. – P. 909–930.

31. *Pérus J.* A la recherche d'une esthétique socialiste (1917–1934). – P., 1986. – 272 p.

32. *Robin R.* Le réalisme socialiste: une esthétique impossible. – P., 1986. – 348 p.

33. Le réalisme socialiste soviétique de la période jdanovienne (1947–1953). – Bern etc., 1997 – 1998: Vol. 1. *Baudin A.* Les arts plastiques et leurs institutions. – 1997. – 418 p.; Vol. 2. *Baudin A., Heller L.* Usages à l'intérieur, image à l'exporter. 1998. – 349 p.

34. Socialist realism without shores / Ed. by *Lahusen T.* а. *Добренко Е.* – Durham; L., 1997. – 369 p. Рец.: Постоутенко К. // Новое лит. обозрение. – М., 1998. – № 30. – С. 413–415.